

Любовь Косинова

Любовь Косинова
Я – начинающий писатель

Издательство «Четыре»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Косинова Л. В.

Я – начинающий писатель / Л. В. Косинова — Издательство
«Четыре», 2025

ISBN 978-5-908079-22-8

В книгу вошли произведения, отмеченные высокой оценкой жюри литературных конкурсов. Рассказ «Я - начинающий писатель», положенный в основу книги, удостоен диплома I степени конкурса «Человек слова» в номинации «Эхо событий». Человек является непосредственным участником общей истории и причастен к ней благодаря своей собственной, крошечной в мировых масштабах, но тесно связанной с ними судьбе. Автор повествует о своём писательском становлении и о целой плеяде замечательных людей, приложивших ум, сердце и руку к выбору профессии и увлечения рассказывать.

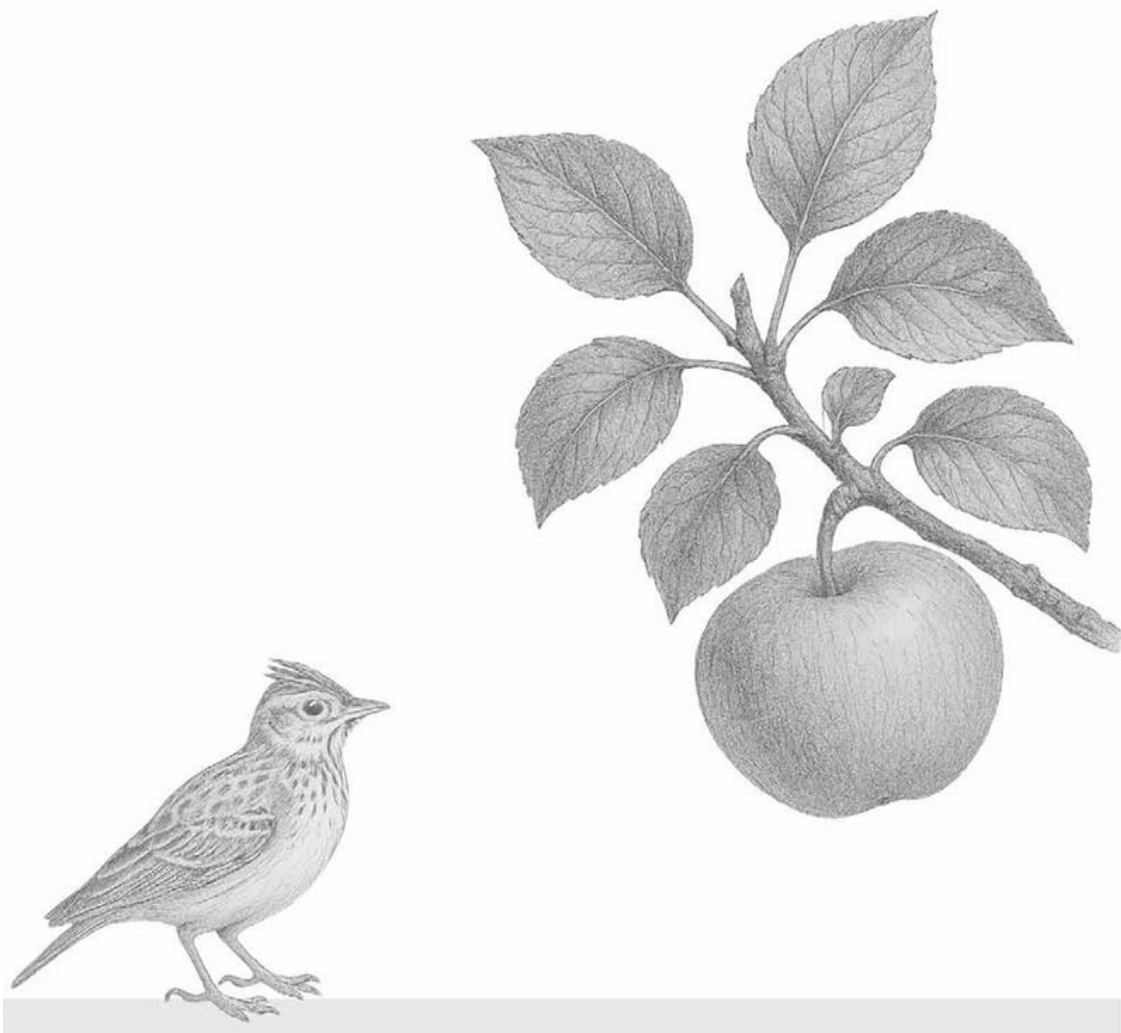
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-22-8

© Косинова Л. В., 2025
© Издательство «Четыре», 2025

Содержание

Слово об авторе	6
Слово от автора	9
Мысли прозаические	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Любовь Косинова
Я – начинающий писатель

© Л. Косинова, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Слово об авторе

Родилась в день весеннего равноденствия в городе Балашове Саратовской области в 1966 году. Бабушка пекла на дни рождения внучки «жаворонков» в честь прилёта первых весенних птиц и тем самым «пришила ей крылья». Долгие годы девочка красиво «летала» во сне и наяву: школа, музыкалка, изостудия, танцевальный класс... и выросла умной, гармоничной личностью. Имеет семилетнее музыкальное образование по классу фортепиано. Сбылась также мечта стать учителем, чтобы передать все полученные навыки и знания детям.

Любовь окончила Саратовский педагогический институт имени К. А. Федина и упорно из родной альма-матер в горнило педагогической деятельности, сопряжённой с трудностями проживания в различных военных гарнизонах, в том числе бывших союзных республик.

Новое мощное железное крыло любимого унесло девушку в далёкие края Закавказья, куда в уютное тёплое гнёздышко балашовский аист принёс дочь, а позже – в Брянских лесах – мягкая и нежная российская зима подарила семье и сына.

Сегодня с мужем Любовь возделывает сад, где есть место и детям, и цветам, и птицам, и, тем более, книгам.

Судьба позволила Любви много общаться с детьми, передать им творческие умения и навыки, многому научиться у них. Работала воспитателем – преподавателем русского языка в национальном детском саду города Кировабада (ныне Гянджа) Азербайджанской ССР. Преподавала математику в старших классах сельской средней общеобразовательной школы посёлка Рековичи Брянской области. Имеет двадцатилетний стаж председателя родительского комитета на общественных началах: по десять лет своей жизни подарила школам, в которых обучались дочь и сын, приобрела тот самый всесторонний педагогический опыт, который невозможно переоценить.

Считает себя начинающим писателем.

С детства имела страсть к сочинительству, выбирая эпистолярный жанр в прозе и стихах, активно публиковалась в социальных сетях, не выходя за рамки личной странички, но до определённого времени никак не решалась официально напечататься в издательствах.

По предложению Типографии имени Пушкина в 2023 году решилась на первую публикацию. Стихотворение «Дед нарёк меня Любовью» положило начало писательской деятельности сначала в сборнике «Любовь», затем в сборнике «Лирическая поэзия», «Романтическая поэзия XXI века».

«Счастливые строчки» издательства «КУБиК» подхватили начинание. Сборник лауреатов ежегодной литературной премии «Живое перо поэзии» издательства «Четыре» и другие сборники также включают в себя стихотворение, посвящённое дедушке автора книги.

С «Русским литературным центром» в 2024 году Любовь Косинова активно сотрудничала в альманахах «Родина», «Современные записки», сборниках «День писателя», «День поэзии», «Книга на лето».

Опубликовалась в сборнике «Поток духа» издательства «Поток» Интернационального Союза писателей, в конкурсном проекте Союза писателей ДНР «Зимняя история», «Победители».

В сезоне 2024–2025 года активно участвовала в проектах издательства «Четыре»: «Предназначение», «Признание», «Голоса эпохи», «Санкт-Петербург литературный», «Человек слова», «Золотое перо русской литературы», «Мой край», «Тысячелистник», «В вальсе листопада», «Поговори со мною, мама!», «Рифмотерапия», «Сказки из шкапулки», «Слово и дух» (русско-китайский), «Цитадель», «Тепло родных рук», «Зимнее волшебство», «Мы помним», «Литературный Феникс», «Литературный теплоход», «Искусство слова», «Вера. Надежда. Любовь», «Лукоморье», «Поэзия нового времени», «Золотой фонд литературных традиций», «Слово к слову», «Сословие литературное», «Творчество и потенциал», «Любимая игрушка», «Живая. Настоящая. Искренняя».

Внесена в «Словарь современных поэтов», «Справочник прозаиков современной литературы».

Автор имеет рецензии Максима Замшева, Юрия Иванова, Натальи Кавериной, многочисленные отзывы редакторов и коллег.

Успехи вне издательства «Четыре»: дипломант конкурсов «Победители», «Салют Победы», Всероссийской премии имени А. С. Пушкина «Перо и слово», лауреат поэтического конкурса «Золотая четверть – 25», победитель конкурса от журнала «Живое художественное слово», лауреат международного поэтического конкурса «Главный стих».

Успехи в издательстве «Четыре»: номинант проекта «Мой край», «В вальсе листопада», «Время читать», лауреат III степени конкурса «Голоса эпохи» в номинации «Поэзия», победи-

тель премии «Человек слова» в номинации «Эхо событий», победитель премии «Ева» в номинации «Дебют», серебряный призёр премии «Лукоморье» в номинации «Я познаю мир», бронзовый призёр конкурса «Живое перо поэзии» в номинации «Открытие года».

Дважды дала интервью литературному журналу «Время читать», другим новостным порталам.

Награждена:

- кубками «За вклад в развитие поэтического движения», «Живое перо поэзии», «Ева»;
- орденами «Литературное единство», «Хранитель традиций», «80-летие Победы», «Лукоморье»;
- медалями Екатерины Великой «За пополнение библиотечных фондов», «За сохранение и развитие поэтических традиций современности», «За культурное просвещение», «За вклад в семейное наследие», «Читательское признание»;
- нагрудными знаками «Золотое перо русской литературы», «Человек слова», «Литературный Феникс», «Искусство слова» по итогам участия в одноимённых сборниках;
- многочисленными дипломами, грамотами и благодарственными письмами.

Слово от автора

Дорогие мои читатели! Это моя первая книга. Я достаточно взрослый человек, чтобы осознавать все риски и испытывать страхи.

Однажды коллега-писатель сказал мне: «Что-то вы припозднились...»

Что ж, возможно, и «припозднилась», но думаю, что не опоздала. Ведь с годами опыта только прибавляется, да и мудрость тоже не иссякает, поэтому я уверена в том, что всему – своё время. «Где я была столько лет?» – одно из стихотворений, которое вы найдёте на страницах этой книги, подробно объясняет моё отсутствие на литературном поприще столь долгие годы.

Сколько лет, сколько зим я могла бы писать не «в стол», но посвятила себя более важному делу – воспитанию детей. Теперь я решилась. Решилась стать писателем.

Отчасти потому, что могу многое рассказать людям, отчасти потому, что хочу подать пример тем нынешним мамам и бабушкам, которые, как когда-то и я, ставили перед собой другие задачи, а затем боялись ответственности и не знали, как начать.

«Не боги горшки обжигают», – гласит известная пословица. Дерзайте, и у вас всё получится.

Мой любимый писатель Константин Георгиевич Паустовский говорил: «Писателем может быть тот, у кого есть что сказать людям». А я дополню.

Писатель – это не просто человек, рассказывающий различные истории и сочиняющий романы с захватывающими сюжетами. Писатель – это прежде всего учитель, наставник, осознающий всю ответственность за те слова, которые он «несёт в массы». А, как известно, «слово не воробей, вылетит – не воротишь».

Мне хочется, чтобы мои книги были доступны для понимания всем возрастам и пригодны для семейного чтения, которое как нельзя лучше объединяет и воспитывает.

Приятного чтения!

Мысли прозаические

*Все мы писали понемногу
когда-нибудь и как-нибудь...*

Я – начинающий писатель. Это моя первая книга. Если уж мне пришло в голову писать книги, то сначала нужно познакомиться со своими будущими читателями.

Будут ли они у меня? Не факт! Но если найдётся хотя бы один человек, который прочтёт эту книгу до последней страницы, то значит – всё не зря. Не зря всю свою сознательную жизнь я писала «в стол», – так принято говорить в писательской среде?.. Не зря искала себя, выбирала тему, видела, что она существует в каждом мгновении жизни. Не зря размышляла о том, с чего же начать. В поисках я пришла к выводу, что нужно отдать предпочтение чему-то главному, а затем успеть описать всё, что накопилось в голове и сердце совместно с жизненным опытом.

Вот так ко мне пришло понимание того, что нужна книга. Только книга может донести мои мысли до широкого круга читателей. Вдруг мои размышления помогут кому-то собраться, приободриться, принять решение, начать действовать. Наверное, читатель сейчас подумает, что я хочу представить публике своеобразный самоучитель, коих, скорее всего, написано уже множество. Нет. Я никого не учу, не имею права на это, просто рассказываю о себе, о своём писательском становлении.

«Рождённый писать не писать не может!» – осенило меня. Это аксиома – то самое положение, которое не требует никаких доказательств в рамках данной теории. Судя по тому, сколько каждый индивидуум в своей длинно-короткой жизни пишет, все мы – писатели. Едва научившись говорить, человеческое дитя природы берёт в ручки конструктор речи – буквы – и начинает их изображать на бумаге, составлять первые слова и их сочетания. Чего только не наричают начинающие творцы! А бумага – она такая – всех писателей-писателей стерпит: «Пусть учатся, руку набивают!»

Как-то, будучи студенткой-первокурсницей Балашовского педагогического института, я проходила практику в железнодорожной больнице. Да-да, раньше «педики» были как медики (да простят меня читатели и издатели за такое фривольное сравнение, но такая горе-шутка ходила среди студентов): первые два курса медицину изучали, чтобы быть им во всеоружии при работе с детьми и первую помощь в случае чего суметь оказать, не отходя от школьной доски. И практику проходили как настоящие специалисты своего дела.

Так вот, мой жребий выпал на отделение пульмонологии. Нужно было гнойный плеврит у старенькой бабушки откачивать среди прочих обязанностей. Вручили мне крупнейший шприц с толстенной иглой и, показав куда, скомандовали: «Коли!»

А как колоть-то? Я же не с рапирой дело имею, а со шприцом! Шприцищем!!! Мой мирный характер не позволял мне в те времена даже муху обидеть, а тут целая старушка. Стала я у моей пациентки заранее прощения просить на коленях (так удобнее было из-за её маленького роста), а она, глядя на доктора, и говорит, как та терпеливая бумага: «Пусть учатся, руку набивают!»

Так и набивала... как все мы с вами, вместе взятые, постигала науку чистописания в раннем детстве, потому что, сколько себя помню, была прилежной ученицей.

Да и с учителями мне повезло несказанно! Первым моим педагогом был двоюродный брат Александр из Ленинграда. Он старше меня на девять лет, поэтому имел полное право считаться наставником. Правда, виделись мы редко из-за географической удалённости друг от друга, но это обстоятельство не умаляло его братско-педагогических заслуг. Выручало письмо. Кстати, школьно-начальный предмет так и назывался: «Письмо».

Но это всё позже, а «сначала было слово»: «Мама!», «Дай!», «Хочу писать!» – ясли. Только потом: «Хочу писать!» – детский сад.

Сад на то и сад, чтобы растить, вот он и внёс свою существенную предварительную лепту в мою детскую грамотность, взрастил её. Мой детский сад назывался «Золотая рыбка», а значит, был призван исполнять желания, но сначала их выявлять. К каждому празднику мы подписывали свои рисунки и аппликации из цветной бумаги мамам, папам, бабушкам и дедушкам.

К подготовительной группе я уже научилась сочинять стихи, например:

*С днём 8 Марта женщины поздравляют!
Маме, бабушке и тётке
Счастья все желают.
В садике готовим для мамочек концерты,
Клеим из бумаги нарядные конверты.
Наряжусь я тоже в праздничное платье.
Маленькую женщину
Тожже вы поздравьте!*

Или:

*Что случилось на улице?
Столько людей волнуются!
Флаги большие и маленькие,
Кругом разноцветные шарики,
В небе цветы распустились
И к нам на небо спустились.
В огнях и красках города!
Взрослые рады и детвора!
Детишки нарядные песни поют,
На площади Красной орудия бьют!
Всё ясно теперь для меня!
Этот парад, этот салют
В честь праздника Октября!!!*

1973 г. (7 лет)

Один-единственный раз в детстве видела салют, когда мне было года два – в Москве, на Красной площади. Я помню, как сидела на плечах у отца, чтобы было виднее, и так впечатлилась, что в семь лет сочинила стихотворение. По рассказам родителей, пыталась тогда на огни дуть, чтобы потушить, но так и не потушила...

Впоследствии в киоске «Союзпечать» мне попалась новогодняя поздравительная открытка, на которой был изображён писающий на белоснежный снег мальчик с крыльшками, оставляющий таким образом на сугробе жёлтую надпись: «Пора подписывать открытки!»

Вот так можно играть словами русского языка, жонглировать ими, если хотите. И мне очень этого хотелось. Я стала корпеть над открытками гораздо раньше и теперь, глядя на картинку, вспомнила своё голопопое подписывание. Девочкой я росла серьёзной, словами старалась не разбрасываться по пустякам, вкладывая в них точный, всем понятный смысл:

*Свет мой дедушка, скажи,
Как же ты остался жив?*

1971 г. (5 лет)

Однажды, пассажиркой лет четырёх, я охотно мчалась в электричке с мамой на подмосковную дачу её двоюродной сестры тёти Али – мою любимую «крыжовниковую» пристань – и громко декламировала стихи Агнии Львовны Барто (потому что уж очень хорошим было моё настроение):

*Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
– Тише, Танечка, не плачь:
Не утонет в речке мяч.*

А ещё про зайку, и про бычка, и про лошадку...

Сидящий напротив пожилой грузный мужчина в белом парусиновом костюме и светлой соломенной шляпе одобряюще кивал в подтверждение доносящихся со всех сторон мнений других пассажиров: «Какая хорошая девочка! Изумительный ребёнок!» Затем он поманил меня пальцем и похлопал по своей коленке, предлагая присесть на неё и познакомиться поближе, невзирая на строгий мамин взгляд.

Сейчас подобное приглашение маленькой девочке от взрослого лица мужского пола юристы расценили бы как уголовно наказуемое деяние, а тогда я сумела постоять за себя сама: «Мама, я не хочу к дяденьке на ручки, у него грязный пиЖДак. Вот тут!» – и ткнула пальчиком в пятно чуть ниже кармана на одежде попутчика. Мама почему-то очень сначала покраснела и захотела меня отругать, но потом, когда стала нормального цвета, поцеловала меня в макушку.

Слово «пиджак» я произнесла весьма грамотно для своих четырёх, знала это и очень гордилась собой. Поэтому уже в раннем возрасте мне можно было поручать ответственные задания. Мама покупала перед праздниками и торжественными событиями разные поздравительные открытки и просила меня их подписать всем нашим многочисленным родственникам. Я старательно выводила печатные буквы цветными карандашами, желая родным всего самого хорошего и доброго. Исправлять маме почти ничего не приходилось: разве что некоторые буквы смотрели в другую сторону.

На семейных фото, вкладываемых в письма, необходимо было правильно указать дату съёмки и возраст ребёнка, то есть меня, и чуть позже – брата. С датами я была знакома из газет и отрывного календаря, висевшего на кухне. Я любила отцеплять от него листочки перед сном и уносить к себе в тайник, а потом долго изучать всю подробнейшую информацию о восходе и заходе солнца, долготе дня и всяких затмениях на лицевой стороне, читать историческую справку или полезные советы на другой.

С детства я хорошо знала, что такое средства массовой информации, потому что читала дедушке газеты, когда у него уставали глаза в его толстостёкольных выпуклых очках. Он укладывался на старинный диван с круглыми валиками и внимательно слушал моё чтение по слогам газеты «Правда» или «Известия»: по порядку, колонка за колонкой...

По-видимому, ему очень нравилось, как я читаю, потому что он почти сразу начинал мурлыкать что-то себе под нос. А у меня таким образом постепенно увеличивался словарный запас, уже выходящий за рамки поздравительных подписей. К тому же я начала «разбираться» (так мне казалось) в политике и других вопросах газетопечатания. Это кажущееся восприятие делало меня взрослее и счастливее.

Были в доме и многочисленные «Роман-газеты», которые читал папа. Я тоже пробовала. Не понравилось. «Многабукаф», – как сейчас принято аргументировать в определённых кругах, если читать не хочется. То ли дело «Мурзилка» и всякие там «Весёлые картинки» –

семечки! С ними я справлялась быстро: от корки до корки, туда и обратно, «сверху, вниз, наискосок», как в «Денискиных рассказах», да по несколько раз за день.

С книгами во времена моего детства была «напряжёнка»: нужно было собрать целый мешок макулатуры, чтобы обменять её на стоящую книгу. Ну вы помните... Наверное, в столичных городах дела обстояли иначе, но в провинции хорошие книги можно было раздобыть только в государственной библиотеке и то лишь на короткое время. Благо, что библиотек в те времена было множество. Школьные, городские, ведомственные читальные залы тоже пользовались большой популярностью у населения. Я любила тихонечко сидеть в «читалке» с книжкой. Тишина, покой, никто не мешает...

Таким образом, в первый класс Балашовской общеобразовательной школы меня привели весьма начитанной, «написанной» и с отличной характеристикой от моей строгой воспитательницы Любови Давыдовны и заведующей детским садом Лидии Николаевны Кубрянской, с которой впоследствии мы долго дружили. Они мне доверяли серьёзные вещи: роли ведущей утренников, Снегурочки, королевы Осени, Весенней капели с обязательным заучиванием наизусть большого объёма текста. Это сейчас родители возят своих чад по различным многообещающим «развивайкам», а тогда всё было гораздо проще. В школе и подавно стало всё проще под девизом «Хочу всё знать!» – знай выполняй задания и в ус не дуй.

Задания эти, как на уроках физкультуры, назывались упражнениями. Я теперь понимаю, почему: упражняйся и приобретёшь навыки, систематически тренируйся и доведёшь навыки до автоматизма. Вот в математике по-другому: там задачи, их решать надо и доказывать, что другого решения нет и быть не может, а в русском языке ничего не надо решать, необходимо и достаточно только упражняться. Как сейчас помню: «Продолжи предложение», «Закончи фразу», «Вставь пропущенные буквы», «Подчеркни члены предложения». Не понимаю, как это некоторые люди ухитряются не знать свой родной язык? Всё же проще пареной репы: учи правила и применяй. У меня в школе всегда были пятёрки по русскому, а у моих детей – к моему же стыду – промелькивали и четвёрки.

Сын классе в седьмом мне заявил: «Никак не могу найти в русском языке логические связи!» Ему простительно, он – математик «до мозга костей», поэтому во всём ищет логику. Класса с пятого ищет. Теперь ему его ученики-пятиклассники те же самые слова говорят, видимо, тоже чего-то найти не могут.

Помню, учитель сына по предмету «Русский язык и литература», встретив меня в коридоре школы, произнёс сакраментальное: «Мы его теряем...» Это после того, как мальчик, гуманитарий на первый взгляд, стал делать серьёзные успехи в математике. Сыну, как и мне, с учителем очень повезло. Но об этом позже.

А дочке русский язык преподавала представительница татарской национальности. Город у нас многоконфессиональный, так что удивляться не приходится. Мы с ней часто беседовали уважительно... о русском языке... с глазу на глаз. Я вела тетрадь своих замечаний учителю со ссылками на страницы учебника и на встречи брала записи с собой.

Вот так, индивидуально, один на один, часто работали с нами – и учениками, и родителями, – наши добрые учителя тогда, когда ещё образование давалось безвозмездно и не представлялось в качестве услуги. Помните в «Большой перемене»: «Знания у нас дают бесплатно!»

Это сейчас слово «бесплатно» означает почему-то «хуже», а тогда выбора не было, не было «хуже». Моя знакомая старенькая учительница из Хвалынска Тамара Михайловна (а бывших учителей, как известно, не бывает) недавно в сердцах разобрала слово «бесплатный» по составу: «Приставка „бес“ – от лукавого!»

Учиться мне очень нравилось. Учиться надо было хорошо! Я старалась, иначе станет стыдно и в пионеры не примут! Правда, был ещё один стимул: в Головном конструкторском бюро (ГКБ), где работала инженером моя мама, каждый год поощряли отличников учёбы и дарили им ценные подарки. Мне однажды досталась огромная ходячая кукла в мой собствен-

ный рост, которая при ходьбе открывала рот и звала маму. Игрушка была похожа на меня. Едва успев написать свой новый «опус», я бежала на кухню, звала маму, чтобы незамедлительно прочесть ей своё сочинение:

*Новогодняя я ночь,
Я сумею вам помочь
В исполнении желаний
Предрождественских гаданий...
Прилечу я точно в срок,
Потушу ваш огонёк,
Но зажгу в небесной мгле
Миллион других огней.
Ярко, звёздочки, мерцайте,
Праздник людям создавайте!
Пусть приснятся детям сны,
Сказок, радостей полны.
Утро ночи мудренее,
Ну а ночь всё же главнее,
Потому что без меня
Не наступит завтра дня!*

1976 г. (неполные 10 лет)

Мама была моей первой, незаменимой и самой благодарной слушательницей. Она не была критиком, нет, напротив, ей всегда всё нравилось: и дочкино декламирование, и дочкино музицирование. А может быть, это и есть самая лучшая критика? Как вы думаете?..

Когда девочка растёт «гадким утёнком», легко оскорбить и так больное её достоинство. Мама хорошо это понимала и не критиковала. Всегда говорила: «Всё у тебя будет хорошо!»

*Я – не поэт, а только учусь.
Как первоклашка, рисую крючочки.
Меж правдой и ложью порою мечусь,
Рву писанину в клочочки!*

*Птицею в небе порою я мчусь,
Роняя наземь якорёчки.
Вечно болею, долго лечусь...
Брошу-ка в бездну замочки!*

1978 г. (12 лет)

Я росла, выросла, из «гадкого утёнка» постепенно превращаясь в юную стройную лебедь, всё чаще смотрелась в зеркало, всё чаще обращала на себя внимание проходящих мимо парней, всё чаще заводила новые знакомства, всё чаще подвергала критике себя и других, всё чаще вселяла в себя очередное вдохновение, рождающее колючие стихотворные строки.

Иногда юмористические:

*Ты девочка серьёзная,
Не то что финтифлюшка!
И хоть стрекозка ты, но не лягушка.*

*Все беды, неудачи, как квакушки,
Вон из избы их, вон их клюшкой!*

1978 г. (12 лет)

Порой самоуверенные:

*Я не торгую лицом.
Только умом.
Цель – кольцо.*

1980 г. (14 лет)

А иногда дерзкие и бунтарские:

*Ах, эти долгие дороги!
Уставшие мозги и ноги.
На хвосте белобокрой сороки унесутся
Сумбурные строки...
Ах, эти строгие упрёки,
Сразившие все юные пороки!
Ах, эти жуткие мороки:
Несовершенны столь отроки!
Ах, эти крохотные сроки.
Срубившие надежд флагишки!
Ах, как бессмысленны зароки
За слишком малые «оброки»!
Одни лишь всклоки – клоки – клоки,
Так обуздавшие заскоки!
Одни лишь злые-злые роки.
И злая я, и руки – в боки!
Одни негаданные шоки,
Но, к счастью, все они далёки...
Благодарю за мудрые уроки!*

1979 г. (13 лет)

Учиться и стараться я полюбила не за подарки, а «просто так, как любят дети», и русский язык за мои старания полюбил меня. Мои сочинения стали отправлять на конкурсы, при всех зачитывать. О чём писала? – О многом: о прочитанной книге, проблемах главных героев литературных произведений... Пожалуй, только одно, моё любимое, врезалось в память: о том, что в саду цвели деревья, под ними стояло старое пианино, я на нём исполняла различные мелодии, а птицы мне подпевали... Ещё запомнились (и даже сохранились) стихи – глупость, конечно, под названием «Из раннего». Почему-то слова «из раннего» у меня ассоциируются теперь как «из раненого». Стихи ведь о любви! А какая в детстве любовь? Всегда неразделённая, раненая.

*О да! Вы правы, дорогая, в том,
Что против нашего союза Вы идёте
(может быть, Вы правы).
Как может верно то,
Что ода эта, обычно строками своими
Хвалящая того, о ком так*

*Чисто и открыто льётся стих поэта,
Которого избрала Ваша муза,
Начнёт ругать Вас – своего героя, да!
Ругать! Не стойте на дороге,
Так будет лучше.
Не надо быть злопамятной
И мстить невинной.
Вы просто мстите.
Что ж, простите, если можете,
Коль так тяжёлы утраты,
Вам мною причинённые.
Порочны месть и зависть,
Но их исправить можно.
Так выбирайте же!
Поверьте: добиться того, чего
Хотите Вы давно... увы!
Вам не удастся. —
Это просто невозможно,
Конечно, если крайних мер
Не будет с Вашей стороны...
Вас раскусили – это стыдно.
Послушайте же доброго совета:
Не надо огорчать счастливых
(Коль Вам не удалось испить
Из этой чаши)!
О нет, я Вас не упрекаю,
Я Вам сочувствую
И от души желаю:
Будьте лучше, выше этого.
От этого добра не будет Вам.
Должно быть, Вам известно, что
Нас – поэтов справедливых —
Борцами часто нарекают.
Так вот. Бороться буду я!
Да нет же, это – не угроза.
Какие могут быть угрозы...
Мы разве равные? —
Среди неравных бой несправедлив.
Так мой совет Вам: сдайтесь!
Клянусь, об этом знать никто не будет.
Страданья Ваши бесполезны,
И муза ваша ложная, нечистая.
«А я давно избрал другую...»*

1980 г. (14 лет)

Возраст Джульетты! И у моей доселе лучшей подруги Ленки Фёклиной тоже. А парень один, Иван Политов, красавец цыганской внешности, разбитной, роковой, на два года старше и опытнее. Ему, наверное, льстило наше «двоеборие». Подруги ссорились. Ленка строила козни. Я не узнавала свою подругу. Она не узнавала меня. Со стороны казалось, что я увела у неё

парня, а я даже и не старалась. Просто тогда мы, видимо, не понимали, что не в нас дело... Бедные влюблённые девочки! Собственно, почему бедные? Стихи, родившиеся с болью любовных страданий юных девушек, дорогого стоят!

Вот таких нас, раненых, ставила на ноги наша учительница русского языка и литературы Галина Петровна. Отчество Петровна передалось нашему классу от первой учительницы Нины Петровны, старенькой, но строгой и справедливой, по наследству к преподавателю русского языка средней школы, которому мы были бережно переданы, что называется, из рук в руки. Что-то в этом отчестве крылось настоящее, фундаментальное...

И сама Галина Петровна была весьма основательна и фундаментальна! Всегда приятно было наблюдать за её пухленькими и крепенькими губами, которыми она внушительно проговаривала для нас орфограммы. Как-то очень точно и доходчиво у неё это получалось. Кроме губ, у Галины Петровны все черты лица и тела были крупны и округлы, как и черты характера, но от этого она не теряла своей женственности. Нравились также её пальцы, тоже пухленькие, с тёмно-красным маникюром на овальных ноготках, раскладывающие по партам заранее заготовленные перфокарты (вот, вновь заговорила почти стихами).

Да, пожалуй, это двустипшие хорошо характеризует уроки Галины Петровны.

Слово «перфокарта» появилось в моём лексиконе ещё тогда, когда и в помине не было ничего, связанного с информационной сферой. Сама сфера, может быть, уже и была, но нас, школьников, она никак не касалась. А карты эти перфорированные служили нам тренажёрами русского языка. Мы должны были совместить картонный лист с тетрадным, на котором учителем заранее были сделаны записи, и вписать в отверстия пропущенные буквы.

Представляете, какой интеллектуальный труд?.. Своего рода тоже педагогическая инновация, которая до сих пор у меня стоит перед глазами, как и сама Галина Петровна. Она, весьма представительная телом, всегда авторитетно возвышалась над нами, пишущими, как дамочков меч, иногда наклоняясь ближе, указывая на ошибку или пометку.

И за всей этой незыблемой авторитетностью учительницы мы не заметили её молодости. Осознали сей факт только тогда, когда Галина Петровна ушла в декретный отпуск, не доучив нас до оценки в аттестате один год. Из-за крупной комплекции уважаемой нами дамы никто из нас не заметил, что вскоре неожиданно расстанемся с любимой «русичкой»...

С тех самых пор образ русского языка предстал передо мной в виде женщины, этаким Родины-матери, великой, могучей, сильной и молодой.

В восьмом классе (именно тогда выставлялась оценка в аттестат) дело Галины Петровны продолжила Галина Фёдоровна. В этом случае по наследству нам передалось имя. Галина Фёдоровна была похожа статью на свою предшественницу, но имела немного восточный акцент во внешности, её тоже пухлые губки украшали малюсенькие, еле заметные усики. Взрослым девочкам, старшеклассницам, трудно было не заметить подобных мелочей. Галина Фёдоровна Гречкина стояла в школе на ранг выше, так как преподавала только в старших классах. Она и осталась нашим учителем литературы. Я не припомню, чтобы было трудно на её уроках, всё получалось само-собой, наверное, это и есть мастерство преподавания предмета! Тестов ведь мы никаких в советское время не сдавали, ответы не угадывали, а излагали. Мысли. Мнения. Суждения. Это было легко и даже доставляло удовольствие. Мы спорили, дискутировали друг с другом или с героями литературных произведений, зачастую не только устно. Мы писали сочинения, стараясь раскрыть заданную тему, слагали стихи, подражая великим!

Но самым увлекательным занятием стала для большинства из нас подготовка к ежегодному литературному вечеру, который придумала для нас Галина Фёдоровна. Компьютеров не было и в помине, нужно было работать с книгой, часами сидеть в читальном зале библиотеки, выискивая о любимых писателях и поэтах самую важную и интересную информацию, которую хотелось донести младшим ребятам, да и самим узнать много нового. Почему сейчас в школах не проходят литературные вечера? А только квесты, презентации, флешмобы. Брр...

На наши литературные вечера собиралась вся школа. Звучала живая музыка! Школьный ВИА (вокально-инструментальный ансамбль), кстати, в котором музицировала и ваша покорная слуга, заранее разучивал прекрасные классические мелодии, под которые устраивались танцы. Обязательно работал буфет с пирожными. В нашей школе не было шикарного актового зала со сценой, а только спортивный зал и столовая. Так вот, все тематические вечера проводились в большой, светлой школьной столовой со стеклянной стеной, к которой прилипали носами зеваки, не поместившиеся по тем или иным причинам в основном зале. Обеденные столы мальчишки выносили в коридор, поэтому они временно служили дополнительными сидячими местами для опоздавших. А стулья расставляли рядами по правилу зрительного зала. На вечер обязательно приглашались все учителя (не важно, кто какой предмет преподавал) и, конечно, администрация.

Ах, какие были интересные времена!

Мама старалась дать мне самое лучшее образование, какое только было ей по силам, поэтому любила брать меня с собой в театр. И теперь я могу перед вами, дорогие читатели, похвастаться тем, что в роли театралы-завсегдатая в составе маминого рабочего коллектива я регулярно принимала участие в этом празднике. Посещение Балашовского драматического театра для многих было воистину торжественным событием: дамы в колонном зале театра перед зеркалами расправляли из-под скромных недорогих драповых пальто полы длинных вечерних платьев, переобувались в туфли...

И начиналось театральное действие. Для меня оно начиналось не с вешалки, как принято считать, а с милых непринуждённых бесед маминых сослуживцев. Билеты на спектакли распространялись по предприятиям, а так как ГКБ при машзаводе – очень крупное производство, то фойе театра заполнялось знакомыми друг другу по работе людьми.

Мне нравилось слушать эти взрослые разговоры, учиться у них вести добрую беседу, и это тоже, наверное, наряду с театром, сформировало меня как творческую и одновременно деловую личность.

Взрослые разговоры так и остались среди нас – маминых сослуживцев и меня. Даже когда мамы не стало, мы продолжали переписываться с ними. И я с возрастом постепенно теряла своих-маминых друзей, а те, что оставались, продолжали хвалить мою деловитость.

Деловые качества во мне проявились сразу, и школьная «карьерка» не заставила себя долго ждать: сначала меня избрали октябрятской звеньевой, затем назначили председателем совета отряда, а дальше – школы, и, как следствие, карьерная лестница привела к должности секретаря комсомольской организации. Работа была по-настоящему ответственная, приходилось много делать, организовывать, говорить, думать и, конечно, писать:

*...Поступлю я в институт,
Аттестат мне вручат,
На физмат меня возьмут?
Пусть меня научат!..*

И если бы не замужество после первого курса Балашовского государственного педагогического института (БГПИ), так бы и покатила инерцией дальше по партийной линии.

*...Вот студенткой стала я,
Сразу повзрослела.
И гордится мной семья,
А семнадцать пролетело...
У меня растут года,
Мне уж восемнадцать.*

*Что же дальше, господа?
Мне пора влюбляться!..*

1984 г. (18 лет)

В институт я поступила легко. Наверное, функционал моей пятой школы под счастливым номером, так же, как и предназначение детского сада «Золотая рыбка», был призван исполнять желания, причём только на «5». В Балашове отучилась один учебный год, а дальше, к сожалению преподавательницы по медицине (той самой, которая отправила меня в пульмонологию «издеваться» над старушками), я вышла замуж и продолжила обучение в Саратовском педагогическом институте имени Константина Федина. За хорошие успехи я, единственная на курсе, была удостоена права защищать две дипломные работы (вместо государственных экзаменов) и приглашена учителем математики в Саратовскую экспериментальную школу.

Писать дипломные работы для меня было настоящим счастьем. Особенно по методике преподавания математики и геометрии. Мой научный руководитель, наша геометресса, подарила мне копию книги итальянского математика Роберто Бонола «Неевклидова геометрия. Критико-историческое исследование её развития» издания девятнадцатого века, которой я дорожу до сих пор. Этот бесценный дар не раз пригождался мне в работе с детьми, приобщению их к самостоятельной исследовательской деятельности.

Им уже было проще готовить презентации на компьютерах и интерактивных досках, а в мои студенческие годы таких понятий не было, и нужно было по старинке чертить на ватмане чертежи, много чертежей, писать тексты доказательств теорем вручную так, чтобы было видно с задних рядов аудитории. Но не я первая, не я последняя... Месяца два бессонных ночей, и защита проходит под бурные аплодисменты на пятёрки. Подвела политэкономия – четвёрка резко изменила цвет диплома с красного на синий.

Но, как говорится, и за это спасибо, ибо в Саратовский институт могла не попасть совсем...

– Вашего мужа направили служить в Азербайджан. Так? Вот и учитесь там, по месту жительства. А мы вас принять не сможем. Только по прописке! – Ответ приёмной комиссии в Саратове.

– К сожалению, мы вас принять не сможем, так как у нас нет русскоязычных групп, а вы ведь не знаете азербайджанского языка? – Ответ приёмной комиссии в Кировабаде...

Вот так поворот... Я ненадолго оказалась в ступоре. В Балашове нет заочного отделения, Саратову не хватает моей прописки, а в Кировабаде не преподают на русском языке. Куда податься бедной студентке? А вот куда: не теряться и писать прямо министру высшего и среднего образования СССР Геннадию Алексеевичу Ягодину, который как раз в июле 1985 года был назначен на эту должность.

И снова письмо. Письмо как палочка-выручалочка. Вот когда хватало и смелости, и дерзости!

Ответ министра долго ждать не пришлось. Вскоре я получила письмо за личной подписью Геннадия Алексеевича с рекомендацией срочно выезжать в Саратов, ибо на столе у ректора СГПИ лежит аналогичное послание с «настоятельной просьбой» (приказом о зачислении) министра принять студентку второго курса, жену офицера, Косинову Любовь Викторовну.

Но Любовь Викторовна ко второму курсу оказалась на сносях, поэтому, сразу после того как отдала свои документы на хранение в Саратовскую альма-матер, ушла в академический отпуск, ибо «да прилепится жена к мужу», тем более военнослужащему, – упорхнула от своей карьеры со своим лётчиком в солнечное Закавказье, город Кировабад (ныне Гянджа), дабы постичь все «тяготы и лишения», а заодно и пополнить свой словарный запас заимствованиями из азербайджанского языка. Работая позже в национальном детском саду воспитателем старшей группы, убедилась, что у меня это неплохо получилось: «Нэ вар, нэ йох?» – «Как

дела?»; «Чох саголун!» – «Спасибо!»; «Буйурун!» – «Пожалуйста!»; «Адыныз недир?» – «Как вас зовут?»; «Тебрик эдирям!» – «Поздравляю!»; «Гёзёне гюм!» – «Закройте глазки!»; «Ман сани севирам!» – «Я тебя люблю!» И почему я это ни разу не пробовала срифмовать? Ничего, всё ещё впереди...

А пока:

*Маленьких-премаленьких детишек
Любит каждый в нашем городишке.
Все-все-все имеют по малышке,
Как грибы растут здесь ребятишки.*

*И у нас с любимым родилась девчушка —
Хорошенький ребёнок, как игрушка!*

*Облаками мама пеленала.
Родниками дочку умывала.
Нарекли её родители Дашей.
Сегодня уже годик дочке нашей!*

*Расти, наша милая Даша,
Переполни наш дом ярким светом!
Отразись, глазоньки-цветочки,
Нежной дымкой в каждом уголочке.*

*Пусть голосок – бубенчик озорной
Нарушит на всю жизнь прежний покой.
Расти ты, доченька, большой,
Не тронет тебя недруг – дядька злой!*

*Ты будь послушной травкой шелковистой,
Ты будь красивою черёмушкой душистой,
Будь человечком умненьким и добрым,
И кем не станешь ты (учителем иль доктором),
Будь счастлива!
И людям счастья дай!*

24 августа 1986 г. (маме 20 лет)

В то время в каждой молодой офицерской семье было уже по ребёнку, а то и по два. Несмотря на наш юный по современным меркам возраст и отдалённость от самых лучших помощников, бабушек и дедушек, мы, жёны военных, совсем ещё девочки, не боялись рожать. И растили детей все вместе, такой, знаете ли, общиной, к которой приучались ещё с общежития. Помните у Аркадия Райкина: «Кто стукнет, кто звякнет, кто брякнет...» Все праздники и будни, в горе и в радости всегда собирались вместе, нянчились, воспитывали детей и друг друга, заботились и помогали в трудную минуту. Это не были кружки по интересам. Интерес был один – наши мужья, которым досталась нелёгкая доля охранять мир на Земле. «Есть такая профессия – Родину защищать!» – все помнят немного перефразированную реплику Владимира Дружникова из художественного фильма «Офицеры».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.